

МОЙ ДРУГ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВ

КАКТО в одно из воскресений пришел ко мне в гости внук Митенька. Четырехлетний очень любознательный человек. Залез ко мне на колени, вырвал чистый лист бумаги из тетрадки, сунул в руки шариковую ручку и потребовал:

— Дед, нарисуй мне лошадь.

Просьба внука для деда закон. И хотя я всю жизнь твердо был уверен, что ни Репин, ни Рембрандт из меня не получатся, взял ручку и изобразил некое четвероногое, которое с равным успехом могло быть лошадью, собакой, безрогой коровой и безгорбым верблюдом.

Внук посмотрел на мое творчество, должно быть, оценил его по достоинству, потому что тяжело вздохнул, но, как всякий вежливый ребенок, не произнес в мой адрес никаких критических замечаний. Слез он с колен, пошел в переднюю и принес пальто и берет.

— Пошли, — сказал он.

— Куда? — поинтересовался я.

— К дяде Володе Николаеву, — ответил внук, — он все может.

И мы отправились к моему другу, артисту эстрады, художнику-моменталисту Владимиру Николаеву.

Знакомы мы с ним лет эдак тридцать. И все это время он не перестает меня удивлять. Казалось бы, в наши пятьдесят с лишним лет уже можно успокоиться и заниматься тем, чем занимаешься долгие годы.

Так нет, мой друг не успокаивается. Он с утра и, если нет концерта — до позднего вечера что-то пилит, режет, рисует, чертит, изобретает, и его комната напоминает столярную или слесарную мастерскую-гибрид с ателье художника. Весь свой реквизит он делает сам.

Владимира Кирилловича хлебом не корми, а дай только принять участие в каком-нибудь конкурсе. Вот объявляют, скажем, конкурс на создание новых номеров для цирка. На одном конкурсе он получает диплом за номер «Стрелки из лука», а на другом — за сценарий номера «Гигантские волчки».

Какое-то ведомство, выпускающее игрушки, объявило конкурс на изобре-

ние машины для окраски детских мячей. Владимир Кириллович и на этом конкурсе премию получил.

Но основное, чем он занимается, так это своим искусством. Николаев, как я уже говорил, — художник-моменталист. Выступает перед взрослыми и детьми. К сожалению, многие относятся к этой работе с недоверием.

— Э, — говорят эти многие, — у него все заранее нарисовано, только незаметно, а на эстраде он это нарисованное обводит.

Так вот, честное слово, не обводит. Рисует каждый раз все заново. Я сам вначале так думал, не верил, обманывает, мол, зрителей. Оказалось, не обманывает.

Как я говорил, знакомы мы уже давно, а вот тесно сошлись на фронтовой сцене: в одном фронтовом театре.

Его политические карикатуры имели большой успех у наших воинов. Неменьшим успехом Владимир Николаев пользовался у населения Польши и Чехословакии — тех стран, по которым мы вместе с армией-освободительницей прошли.

...Была весна 45-го года. Весна нашей победы. Мы давали концерты не только в частях Советской Армии, но и для населения.

На второй день после освобождения польского города Бельско-Бяло был дан концерт для его жителей. Народу собралось тьма-тьмущая. Среди прочих рисунков была у Владимира Кирилловича карикатура на Гитлера. Он изображал бесноватого фюрера в синяках и шишках с перевязанной физиономией. Я был уверен в успехе этой карикатуры. Но вот когда Николаев показал рисунок, в зрительном зале воцарилась мертвая тишина. Зрители с ужасом смотрели на эту карикатуру. Молча. Пауза продолжалась пять, десять секунд. Вдруг в зале раздался женский испуганный и одновременно радостный голос: «Пан Гитлер!!!». Зал разразился бурными аплодисментами, зрители вставали, смеялись, плакали, целовали друг друга. И бурно аплодировали.

Потом я понял причину такой реакции зрителей. Город был только что освобожден от фашистов, и всего лишь два-три дня назад за одно неуважительное слово о Гитлере людей расстреливали. А карикатура Николаева сказала яснее всяких слов, что люди свободны, что никогда не вернуться бесноватый фюрер, ненавистный фашизм...

В последнее время художник выступает, главным образом, перед детьми и пользуется у них большим успехом. Особенно им нравится бабушка, у которой все сгорело, пока она смотрела футбол по телевизору.

Владимир Николаев вызывает на сцену маленьких зрителей, дает им кисть и предлагает начертить любые ломаные, плавные или другие линии. А потом дорисовывает, и на мольберте возникают бравый солдат Швейк, доктор Айболит, Дон-Кихот и многие другие герои литературных произведений. Кстати, кисть, которой пишет Владимир Николаев, изобретена им самим. Она скомпонована из резиновой трубки и щетины из половой щетки. Есть у меня подозрение, что кисть эта тоже была подготовлена к какому-нибудь конкурсу. Конкурс не состоялся, и художник взял кисть себе на вооружение.

Стихи, которыми сопровождаются рисунки, Николаев сочиняет сам. Иногда тут же на сцене. А если добавить, что, когда нужно, он сопровождает рисунки стихами на английском и немецком языках, то все становится ясным без всяких комментариев.

...Внуку моему коня он нарисовал. Ах, какой это был конь! Можно сказать, конь-огонь! Как живой! Только не ржал. Митенька был доволен. Я — не очень. Мне почему-то показалось, что в Митенькину душу закрались сомнения. Как мне кажется, он подумал, что выбрал для себя не того деда. Мне кажется, что он собирается взять в деды моего друга, Владимира Николаева. Который все может.